

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Сербина А.С. Национальные перспективы реализации европейской политики «снижения рисков» в отношениях с Китаем // Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75875 EDN: ZIQMXC
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75875

Национальные перспективы реализации европейской политики «снижения рисков» в отношениях с Китаем

Сербина Анна Степановна

кандидат исторических наук

доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, оф. 205

✉ serbina.anna@mail.ru

[Статья из рубрики "Мировая политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75875

EDN:

ZIQMXC

Дата направления статьи в редакцию:

10-09-2025

Дата публикации:

17-09-2025

Аннотация: Опираясь на концепцию хеджирования, проанализирована политика ЕС по «снижению рисков» в отношении Китая, который в постковидный период стал характеризоваться Брюсселем одновременно как партнер, экономический конкурент и системный соперник. Предметом исследования выступили национальные аспекты и перспективы реализации политики «дерискинга», рассматриваемые на примере Германии, Франции, стран Восточной Европы и Италии. Особое внимание в статье уделяется выработке национальных стратегий в отношении Китая и Индо-Тихоокеанского региона в целом, а также практической реализации политики «снижения рисков», в том числе продвижению государствами своих позиций в Совете ЕС. В статье рассматривается применение государствами-членами Евросоюза стратегии хеджирования в ключевых вопросах стратегической конкуренции между США и Китаем.

Методологической основой исследования являются системный подход с применением индуктивно-дедуктивных алгоритмов, а также контент-анализ стратегических документов ЕС и государств-членов, что позволило рассмотреть политику «дерискинга» на общеевропейском и национальном уровнях. Для оценки сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, связанных с реализацией политики «дерискинга» применялся SWOT-анализ. Выявлено, что политика «дерискинга» на уровне Брюсселя тяготеет к конфликтному типу хеджирования, в то время как большинство национальных государств находятся в русле кооперационного хеджирования. Политика «снижения рисков» – длительная и затратная стратегия, стимулирующая европейские страны сохранять конструктивные отношения с Пекином. В ключевых сферах политики государства-члены будут действовать гибко, формируя изменяющиеся коалиции и лавируя между США и Китаем. Национальная практика реализации политики «снижения рисков» имеет ограниченный потенциал и зависит от опыта экономических отношений с Китаем, внутривластной конъюнктуры и глубины взаимоотношений с США. Автор приходит к выводу, что французский подход наиболее объективен, поскольку ориентирован на укрепление стратегической автономии ЕС не только от Китая, но и от США, а также охватывает геоэкономические и геополитические аспекты конкуренции. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе анализа корреляций между сильными и слабыми сторонами, возможностями и угрозами для Европы в отношениях с Китаем, автор вместо «стратегической автономии» предлагает модель «стратегической взаимозависимости».

Ключевые слова:

США, Китай, стратегическая конкуренция, стратегия ЕС, хеджирование, Германия, Франция, страны Восточной Европы, Италия, стратегическая взаимозависимость

Введение

Второе десятилетие XXI-го века было отмечено ростом напряженности между Соединенными Штатами и Китаем, в то время как Европейский Союз (ЕС) оказался заложником этой стратегической конкуренции. Изменение тональности и постепенное ухудшение американо-китайских отношений усилили в Европе чувство неуверенности в отношении китайского партнера, хотя обоснованность такой политики США можно поставить под сомнение, поскольку она выдает запоздалую реакцию на растущую зависимость Вашингтона от Пекина.

Долгое время ЕС не имел официальной общей политики в отношении Китая, а также Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) в целом. Напомним, что Китай выступает против концепции ИТР, которая активно продвигается в западном политическом дискурсе с 2007 г. как альтернатива Азиатско-Тихоокеанскому региону, поскольку она направлена против «китайского экспансионизма» в его политическом, стратегическом, экономическом и культурном измерениях.

В 2019 г. Европейская комиссия представила документ «ЕС-Китай — стратегический взгляд», в котором Китай триедино определяется как «партнер, экономический конкурент и системный соперник». Китай в разных областях политики одновременно считался партнером по сотрудничеству, с которым ЕС необходимо обеспечить баланс интересов, экономическим конкурентом в стремлении к технологическому лидерству и системным соперником, продвигающим альтернативные модели управления [\[1\]](#).

Подобный триптих отражает как всю сложность и многогранность взаимоотношений ЕС-Китай, так и трудности государств-членов ЕС в согласовании действительно общей стратегии для последовательного решения двусторонних проблем.

В сентябре 2021 г. наконец-то была принята Стратегия ЕС по сотрудничеству в ИТР, ставшей основой, определяющей его взаимодействие со странами региона, простирающимся от восточного побережья Африки до островов Тихого океана. В документе отмечается, что будущее ЕС и ИТР неразрывно связано, учитывая взаимозависимость экономик и общие глобальные проблемы [\[2, p.1\]](#). Китай упоминается в документе 13 раз, содержательно в 4 аспектах:

1. Китай — важная часть региона, который значительно нарастил военную мощь. Демонстрация силы и усиление напряженности в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также в зоне Тайваньского пролива могут оказать прямое влияние на безопасность и процветание Европы.

2. ЕС намерен продолжать многогранное взаимодействие с Китаем, сотрудничая по вопросам, представляющим общий интерес, в то же время, отмечается, что ЕС продолжит защищать свои основные интересы и продвигать свои ценности, одновременно отступая там, где существуют фундаментальные разногласия с Китаем, например, по правам человека [\[2, p.4\]](#).

3. Прогресс в ратификации Всеобъемлющего соглашения об инвестициях, переговоры по которому с Китаем были завершены в конце 2020 г., отвечает взаимным интересам ЕС и Китая.

4. Китай упоминается как партнер по ряду направлений сотрудничества, в частности, взаимодействие по вопросам окружающей среды, партнерство в области океана и рыболовства в регионе, а также по вопросам безопасности и обороны, включая борьбу с терроризмом, кибербезопасность, нераспространение и разоружение, диалоги по космической и морской безопасности. В этом контексте в структуру делегации Европейского Союза в Китае был включен военный советник — кадровый офицер Аллард Уэйджмейкер, служивший в Анголе, Боснии и Афганистане [\[2, p.9-10\]](#).

По мере нарастания противоречий между США и Китаем риторика ЕС становилась более жесткой, однако практика взаимодействия с Пекином была далека от американского «размежевания». Переход к более решительной позиции ЕС в отношении Китая ознаменовала речь председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен 30 марта 2023 г. в Институте китайских исследований Меркатора, что также нашло своё подтверждение в Европейской стратегии экономической безопасности в июне того же года [\[3\]](#).

По словам фон дер Ляйен, разрыв отношений с Китаем нецелесообразен для Европы и не отвечает её интересам. Вместо этого она предложила курс на дипломатическое и экономическое снижение рисков. Дипломатическое снижение рисков не должно уклоняться от обсуждения сложных вопросов с китайскими коллегами, а напротив, создавать пространство для «обсуждения более амбициозного партнерства и того, как мы можем сделать конкуренцию более справедливой и дисциплинированной» [\[4\]](#). Снижение рисков в экономических отношениях предполагало повышение конкурентоспособности и устойчивости экономики и промышленности ЕС, более эффективное использование существующего инструментария торговых инструментов, разработку новых защитных инструментов для критически важных секторов и стремление

к более тесному сотрудничеству с партнерами по всему миру.

Хеджирование рисков

Одним из способов понимания того, как ЕС видит свое партнерство с Китаем, является теория «средних держав» — представление о том, что влиятельные страны с достаточной проекцией силы могут формировать региональные и глобальные порядки. В рамках этого «великие державы» часто ищут поддержки и сотрудничества «средних держав» для реализации своих более масштабных стратегий.

В какой-то степени можно говорить о применимости теории «средних держав» относительно ЕС. Безусловно, многие европейские страны сами по себе являются значительными державами, и ЕС в целом имеет потенциал конкурировать более или менее на равных с Китаем или США. Но ЕС не является национальным государством и не может полностью реализовать этот потенциал в своей нынешней институциональной конфигурации. В этой связи особого внимания заслуживает термин «стратегическая автономия», впервые зафиксированный в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. и получивший широкое распространение в официальном европейском дискурсе. Достижение «стратегической автономии» подразумевает свободу от внешнего влияния и выдержано как раз в духе теории «средних держав».

Брюссель в определении своего взаимодействия с другими державами пока сохраняет глубокую привязанность американской идее порядка, основанного на правилах, построенного на либеральных ценностях. Однако в условиях нового, более фрагментированного мирового порядка, который формируется усилиями «средних держав», европейцам для защиты своих интересов нужна стратегия, которая подчеркивает связи Европы с рядом других стран, меняющих динамику глобальной власти. Такая стратегия будет увеличивать суверенитет Европы.

С точки зрения реалистической парадигмы у государства или блока государств есть три стратегических варианта поведения, когда они сталкиваются с растущей державой — балансирование, присоединение или хеджирование. Если говорить о сценариях развития отношений ЕС и КНР в перспективе до 2030 г., первые два варианта не соответствует политике Брюсселя в отношении усиливающегося Китая. Стратегия балансирования применяется в отношении враждебных держав, коим Китай в полной мере не является. Переход на сторону Китая также не соответствует интересам ЕС как блока, пытающегося стать независимым центром влияния в мире. Таким образом, хеджирование, т. е. снижение рисков, станет предпочтительным стратегическим вариантом для ЕС. Стратегия хеджирования предполагает развитие тесных связей с КНР, но при соблюдении собственных интересов и диверсификации связей с ним.

Малазийский исследователь Ч. Ч. Куик считает, что хеджирование — не панацея, и влечет за собой негативные последствия. Хеджирование как стратегия поведения направлена на поиск гарантий безопасности в ситуациях высокой неопределенности, когда рациональное государство избегает встать на чью-либо сторону, и принимает противоположные меры по отношению к конкурирующим державам, сохраняя возможность выбора [\[5, p.301\]](#) Слабость ЕС в том, что они будут хеджировать до тех пор, пока этого требуют условия. Если соперничество США и Китая не перерастет в прямой конфликт, или если не возобладает стратегическая определенность, например, если Вашингтон отступит в своей конкуренции с Китаем, то ЕС будет вынужден прекратить хеджирование и начать подстраиваться под Китай; если действия Пекина будут напрямую угрожать большинству, то хеджирование будет заменено балансированием

против Китая.

В условиях новой, мягкой биполярности, когда мир всё больше разделяется на доминирующие сферы влияния Соединенных Штатов и Китая, ЕС будет вынужден действовать гибридно, демонстрируя меняющиеся коалиции государств-членов, плавно лавируя между двумя великими державами. Применяя стратегию хеджирования, ЕС будет склоняться то в одну, то в другую сторону в зависимости от конкретного вопроса как минимум в семи ключевых областях политики (экология и климат, торговля, инвестиции, финансы, инфраструктура, цифровые технологии, военная сфера, а также образовательная, культурная и научная сферы), где наблюдается растущее расхождение позиций США и Китая.

Стратегия «снижения рисков» в отношениях с Китаем стала основой программы Урсулы фон дер Ляйен в качестве председателя Европейской комиссии на 2024-2029 гг. [\[6\]](#) Но потенциал Евросоюза как международного игрока всегда ограничен его внутренними разногласиями. ЕС предпринял определенные шаги в рамках политики «дерискинга», но реализация данной политики затруднена тем, что государства-члены ЕС имеют различные точки зрения на взаимоотношения с Пекином. С другой стороны, именно эти различия в ценностях и практиках, а также в политической воле и политических возможностях государств-членов определяет способность ЕС играть автономную, смягчающую роль в бифуркации мирового порядка.

Кто возглавит политику «дерискинга» — Германия или Франция?

Политика ЕС в отношении стран ИТР всегда была сочетанием внешних политик государств-членов и некоторых общих элементов. В частности, Германия и Франция в большей степени представлены в регионе, обеспечивая защиту интересов своих экономик и бизнеса.

Для Китая Европа выступает ключевым звеном инициативы «Пояс и путь» (BRI), однако Пекин придерживается тактики «разделяй и властвуй», развивая более тесные связи с некоторыми государствами-членами ЕС, в частности и на уровне субрегионов, например, со странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Подобная региональная дипломатия Китая рассматривается Брюсселем как стратегическое вторжение в Европу, которое представляет серьезную угрозу Евросоюзу в целом, а также национальным интересам государств-членов. В этой связи Фон дер Ляйен, выступая 30 марта 2023 г. в Институте китайских исследований Меркатора, призвала к тесной координации между государствами-членами и институтами ЕС, а также быть готовыми противостоять китайской тактике «разделяй и властвуй» [\[4\]](#).

В целом, опасения относительно китайской тактики «разделяй и властвуй» в отношении ЕС не беспочвенны. Желание углублять экономические связи с Пекином демонстрируют многие европейские страны. Это заметно не только в бизнес-секторе, но и среди некоторых политических сил в Германии, Греции, Португалии и Испании. А Греция и Венгрия, куда Китай вложил значительные средства, открыто лоббируют китайские интересы в Европе.

С точки зрения Европейской комиссии, именно Германия и Франция несут особую ответственность за перестройку отношений с Китаем. Кроме того, в интересах Комиссии включить бизнес в этот процесс. Это особенно актуально для немецких компаний, которые в отличие от французских пользуются широкой автономией во внешней торговле.

На протяжении нескольких десятилетий политика Германии в отношении Китая была направлена на расширение экономических связей. Концепция «Wandel durch Handel» (Изменения через торговлю) появилась в начале 1970-х гг. и стала важной частью «новой восточной политики» Вилли Брандта. В дальнейшем данный подход стал определяющим для последующих социал-демократических администраций, достигнув кульминации в период правления канцлера Герхарда Шрёдера в 1998–2005 гг.

В своих мемуарах Г. Шрёдер вспоминает, что с самого начала канцлерства он придавал большое значение улучшению отношений с Китаем, поэтому решил совершать как минимум один официальный визит в эту страну. Для Германии, сильнейшего в мире экспортера, очень важны экономические связи с Китаем. За период с 1999 по 2005 г. объем взаимной торговли увеличились втрое и превысили сумму в 60 млрд. евро. Он был уверен, что общественные изменения в этой весьма противоречивой стране совершаются, в частности, и благодаря экономическому обмену. Колоссальный рост экономики толкает общество к модернизации и делает его более открытым [\[7, с.140-141\]](#). В Берлине верили, что именно так коммунистический Китай может стать рыночной экономикой, что приведет и к политической либерализации.

Эпоха канцлера Меркель также находилась под сильным влиянием лозунга: «Изменения через торговлю». Экономический журналист У. Вайденфельд, оценивая период канцлерства А. Меркель, не раз обращает внимание на экономическую зависимость Германии от КНР. Резкий экономический подъем Китая в новом тысячелетии, с ее точки зрения, стал благоприятным фактором для немецкой экономики во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Экономика Китая за счет государственной инвестиционной программы и программы стимулирования потребительской активности быстро выходит из кризиса, что позволило вновь делать заказы на продукцию немецких компаний [\[8, с.169\]](#). Немецко-китайские отношения давно уже воплощаются в постоянный поток экспортируемых товаров автомобильной и авиационной промышленности, промышленного оборудования. Финансовые поступления из Китая стали важнейшим двигателем немецкой экономики, но и определили зависимость процесса принятий решений от позиции Пекина. Так, в 2012 г. во время визита в Китай и обсуждения с премьером Госсовета Вэнь Цзябао проблем греческой экономики в условиях кризиса еврозоны, А. Меркель поняла, что нужно любой ценой сохранить Грецию в еврозоне, поскольку «китайцы располагают миллиардными запасами евро. Если они решат избавиться от них, сочтя, что ЕС не хватает «уверенности и доверия», евро придет конец» [\[8, с.186\]](#).

Философия «Wandel durch Handel» была принята не только рядом канцлеров и политиков, а также поддерживалась и лоббировалась лидерами промышленности, профсоюзами и журналистами. Однако всё чаще в немецких СМИ говорится о том, что данная философия не оказала на Китай в политическом плане никого влияния. В частности, в 2021 г. на сайте общественной радиостанции Deutschlandfunk вышла статья Рута Киршнера и Штеффена Вурзеля с кричащим заголовком «Никаких изменений через торговлю». В данной статье председатель германо-китайской парламентской группы в бундестаге Ганс-Петер Фридрих подвергся жесткой критике за прокитайские рассуждения. Г.-П. Фридрих заявил, что «Китай — не диктатура. Китай — это государство, которым, по сути, управляет одна партия, а именно Коммунистическая партия. Мы просто должны это принять. Конечно, мы не должны терпеть нарушения прав человека, но я считаю, что не очень продуктивно постоянно осуждать и высокомерно указывать другим, что делать». [\[9\]](#) В целом, современный общественно-политический

дискурс ФРГ направлен на то, чтобы политика Германии в отношении Китая была, во-первых, более проевропейской, а во-вторых, значительно отошла от чистой фиксации на торговле и экономических вопросах.

До начала пандемии коронавируса Федеральное правительство определило отношения ЕС с Китаем в качестве основной темы председательства ФРГ в Совете ЕС (с 1 июля по 31 декабря 2020 г.). Глобальное распространение коронавируса внесло свои коррективы в программу председательства и его основным лейтмотивом ожидаемо стал тезис «сплоченность и солидарность». Однако, презентуя программу председательства, А. Меркель заявила, что желает большего: ЕС обязан нести глобальную ответственность и укрепить свою роль в мировой политике. В числе приоритетных направлений внешней политики Брюсселя она обозначила Китай. Речь шла не только о торговле, но и о признании роли Китая в системе международных отношений [\[10, p.22\]](#).

По данным Федерального правительства приоритеты политики Германии в период её председательства в Совете ЕС включали укрепление единой политики ЕС в отношении Китая, прогресс в реализации противоречивого всеобъемлющего инвестиционного соглашения, защиту климата и расширение сотрудничества в третьих странах, в том числе в Африке, а также в глобальном здравоохранении [\[11\]](#).

Важнейшим итогом председательства ФРГ в Совете ЕС стало согласование проекта Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между Китаем и ЕС, достигнутого 30 декабря 2020 г., всего за несколько дней до окончания ее председательства. Европейская комиссия вела переговоры по инвестиционному соглашению с Китаем с 2013 г. Основное внимание уделялось защите инвестиций и улучшению доступа к рынкам, особенно для европейских компаний. Китай впервые согласился ввести в действие положения об устойчивом развитии. Соглашение также содержало обязательства принять меры в отношении принудительного труда и ратифицировать соответствующие конвенции МОТ.

Подписание инвестиционного соглашения с Китаем является одним из примеров применения Евросоюзом сложной стратегии независимого хеджирования, когда Брюссель занимает ту или иную сторону в зависимости от вопроса в рамках противостояния США-Китай. С одной стороны, китайским руководством инвестиционное соглашение с ЕС рассматривалось как веха на пути глобализации Китая и важный актив в развитии его взглядов на новый мировой экономический порядок. С другой стороны, в Вашингтоне оно воспринималось как серьезное игнорирование намерений администрации Байдена оказать коллективное давление на Китай с целью реформирования его торговой практики. Тем не менее, даже в ходе последующих переговоров это не помешало британским и французским авианосцам провести операции по обеспечению свободы судоходства в Южно-Китайском море, вызывая гнев Китая и получая одобрение от Америки. Подписание инвестиционного соглашения с Китаем, в частности, отражает остаточное нежелание ЕС сотрудничать и вести дела с США, какими они были в эпоху Трампа.

В 2021 г. депутаты Европарламента проголосовали за замораживание инвестиционного соглашения с Китаем в связи с нарушениями прав человека в КНР и введения Пекином контрсанкций. Этот акт знаменует собой изменение стратегии ЕС, поскольку нарушения прав человека всегда были проблемой в отношениях ЕС и Китая, но никогда ранее нормативные ценности не преобладали над экономическими интересами. Этот нормативный сдвиг в политике ЕС также подтверждался риторикой официальных лиц ЕС, которая стала более осуждающей. Это нашло отражение и в торговой политике ЕС. Сам

факт того, что соглашение по инвестициям зашло в тупик, стало тому подтверждением. Однако даже в замороженном состоянии данное соглашение выполняет определенные функции. Изначально Всеобъемлющее соглашение об инвестициях между Китаем и ЕС обсуждалось именно потому, что Пекин имел рычаги влияния в торговых отношениях. Можно утверждать, что заморозив соглашение, ЕС перехватил у Китая эти рычаги влияния.

Германия стала первой страной Евросоюза, разработавшей национальную стратегию в отношении Китая. Документ, опубликованный 13 июля 2023 г., сформулирован в русле общеевропейского подхода по «снижению рисков», хотя определение рисков в Берлине и Брюсселе не полностью совпадают. Стратегия взаимодействия с Китаем и преодоления рисков, создаваемых им, охватывает три измерения: двусторонние отношения с Китаем, укрепление Германии и ЕС в мировой политике и международное сотрудничество. Стратегия Германии в отношении Китая является явным отходом от политики, проводимой правительством Ангелы Меркель, которое рассматривало поддержку двустороннего сотрудничества с Пекином, особенно в экономическом аспекте, как важнейший приоритет [\[12\]](#).

Первая национальная стратегия Германии по Китаю стала результатом 18-месячного переговорного процесса всех заинтересованных сторон, в первую очередь, представителей мощного промышленного лобби. В целом, Стратегия получила принципиальное одобрение большинства. С одной стороны, в тексте документа содержится объективная оценка политики Китая при Си Цзиньпине, с другой стороны, не определены конкретные меры решения существующих проблем. Сам термин «риски» в тексте 64-страничного документа встречается всего семь раз, тогда как слово «возможности» встречается десять раз, причем шесть вариантов упоминания носит негативный контекст, указывая на ограничение возможностей Германии в различных сферах.

В частности, правительство обеспокоено высоким уровнем зависимости ключевых секторов промышленности (автомобилестроение, машиностроение, химическая промышленность) от китайского рынка и призывает принимать бизнес-решения с учетом геополитических факторов. Интересно, что Стратегия предупреждает бизнес не делать ставку на государственную помощь, заявляя, что «в случае геополитического кризиса государственные средства не будут использоваться для спасения компаний» [\[12, s.38\]](#).

В то время как Стратегия выступает в качестве навигатора двусторонних отношений, политическая реальность снижения рисков не так однозначна. Структурные разногласия относительно того, как выстраивать отношения с Китаем, с самого начала характеризовало немецкое правительство при канцлере Олафе Шольце. Например, несмотря на негативную оценку шести соответствующих министерств, немецкое правительство разрешило китайской государственной компании COSCO Shipping Ports приобрести миноритарный пакет акций в контейнерном терминале Tollerort в Гамбурге. Это решение стало ещё более спорным, когда спустя год данный терминал был классифицирован Федеральным управлением по информационной безопасности как критически важная инфраструктура и соответственно подлежал особой защите. Данное решение, противоречащее Стратегии в отношении Китая, во многом стало возможным из-за позиции Олафа Шольца. Он отменил решение своих министров, что в значительной степени рассматривалось как уступка давлению как со стороны Гамбурга (где Шольц ранее занимал пост мэра), так и со стороны Пекина. Китайские дипломаты выступили с едва завуалированными угрозами возмездия немецким компаниям в Китае и

переориентации китайской торговли в другие европейские порты. Ряд политиков обрушились с критикой в адрес канцлера, в частности, по мнению депутата Бундестага от ХДС Штефана Руэнхоффа, контейнерный терминал Tollerort был намеренно отнесен к критически важной инфраструктуре только после заседания кабинета министров 26 октября 2022 г. шесть федеральных министерств, спецслужбы и Комиссия ЕС предостерегали от участия COSCO в сделке. Канцлер проигнорировал эти предупреждения. Как считает Руэнхофф, это не было халатностью потому, что часть федерального правительства, возглавляемая СДПГ, намеренно скрывает факты, чтобы завершить китайскую портовую сделку в Гамбурге [\[13\]](#).

Пример порта Гамбурга, а также использование китайских технологий в немецких сетях 5G (Германия является одним из государств-членов ЕС с самой высокой долей компонентов Huawei и ZTE в своих сетях 5G) стал символом нежелания Германии подкреплять заявления о снижении рисков реальными действиями, когда это служит национальным или индивидуальным политическим интересам. Расхождения в государственной стратегии и политике ФРГ в отношении Китая наносят ущерб как геополитическому, так и экономическому положению Германии в долгосрочной перспективе. Кроме того, они часто препятствуют достижению консенсуса ЕС в отношении Китая.

С точки зрения Брюсселя, Германия всё ещё не готова брать на себя лидерство в проактивной политике «снижения рисков». Страх потерять китайские рынки, по-прежнему, доминирует в немецкой политике, немецкая промышленность ещё не осознала того факта, что эпоха получения колоссальной прибыли от экономического роста Китая завершается. Немецкая промышленность сопротивляется усилиям по дальнейшему регулированию деловых отношений с Китаем. До сих пор Германия, являясь крупнейшей экономикой ЕС, не разработала руководство по снижению рисков, которое могли бы использовать ее европейские партнеры.

Ведущий редактор ИНИОН РАН Т.В. Арзаманова подчеркивает объективный характер этих страхов. Именно амбивалентная позиция по сотрудничеству с Пекином, когда «доктринальный» переход от традиционного балансирования во взаимоотношениях с КНР к проведению более принципиальной политики сочетается с усилиями, направленными на то, чтобы избежать обострения двусторонних отношений, позволяет немецкой экономике избежать катастрофических последствий [\[14, с.240\]](#).

Подобная двойственность становится лейтмотивом внутриполитического кризиса. В феврале 2025 г. парламентская группа ХДС/ХСС направила правительству запрос, состоящий из 68 вопросов о состоянии реализации Стратегии в отношении Китая. В ответ на него Федеральное правительство Германии подчеркнуло необходимость последовательного снижения рисков в отношениях с Китаем, но отвергло идею сегрегации экономик [\[15\]](#).

Внутри «светофорной» коалиции также не наблюдалось единства по некоторым аспектам взаимодействия с Китаем. Свободные демократы выступили против закона ЕС о цепочке поставок, в итоге Германии пришлось воздержаться во время голосования по закону, который требовал от крупных фирм ЕС проводить подробные проверки соблюдения прав человека и охраны окружающей среды в отношении иностранных деловых партнеров, в том числе и в Китае.

Таким образом, правительство Германии стремится поддерживать стабильность в двусторонних отношениях с Китаем, чтобы защитить интересы немецкого бизнеса и

избежать сбоев в цепочке поставок. К усилиям по снижению рисков подходят осторожно, исходя из предположения, что слишком большое снижение рисков само по себе является риском. Кроме того, в условиях внутренних вызовов - от экономической рецессии до подъема крайне правых популистов, а также внешних кризисов на Украине и Ближнем Востоке и неопределенности внешнеполитического курса США, политика по «снижению рисков» рискует утратить свою важность. Политикам проще пока сохранять прежнюю риторику, избегая дорогостоящих действий. С весны 2025 г. при канцлере Фридрихе Мерце отношения Германии с Китаем вступили в фазу осторожной перестройки. Администрация Мерца стремится сократить стратегическую зависимость от Китая, сохраняя при этом прочные экономические связи. Эту политику можно обозначить как «снижение рисков без разрыва связей». В этой связи нет оснований утверждать, что Германия возглавит политику «дерискинга» ЕС в отношении Китая, поскольку сохраняется существенная экономическая взаимозависимость и отсутствует политическая воля.

На этом фоне перспективы Франции выглядят более оптимистичными, хотя политика Э. Макрона в отношении Китая также как и немецкая амбивалентна. Однако на наш взгляд Париж успешнее всех проходит адаптацию к эпохе стратегической конкуренции между Китаем и США. Позиционируя себя как «сбалансированная держава», Франция представляет собой наглядный пример хеджирования. Вступив в должность в 2017 г, Макрон уже стремился придерживаться более сложного, «менее наивного» подхода к Китаю, что впоследствии нашло отражение в принятом в 2019 г. европейском «триптихе». Макрон однозначно отверг идею создания коалиции против Китая, назвав её контрпродуктивной.

Конструктивная политика в отношении Поднебесной, которую продолжает проводить французский президент, не исключает глубинных проблем и напряженности в геоэкономической и геополитической сферах. Что касается экономической безопасности, здесь Париж придерживается более широкого подхода, не связывая свою экономическую уязвимость и Европы в целом только с Китаем. Стремление к технологическому превосходству со стороны США и КНР, их растущая готовность прибегать к экстерриториальному регулированию, экономическому принуждению и использованию стратегической зависимости в качестве оружия делают Францию и Европу ещё более уязвимыми. Выступая на конференции французских послов в августе 2023 г., Макрон еще раз подчеркнул, что «нам нужна наступательная промышленная политика, в рамках которой мы будем активно инвестировать, пока этим занимаются китайцы и американцы. Сегодня Европа склонна к чрезмерному регулированию и недостаточному инвестированию» [\[16\]](#).

Франция входит в число наиболее деиндустриализированных стран Европы. Ограниченные производственные мощности Франции заставляют ее балансировать между экономической зависимостью, снижением рисков и реиндустриализацией, ориентированной на переход к «зелёной» экономике и цифровизации. Определенный вклад в решение данной задачи должен внести разработанный в 2021 г. инвестиционный план «Франция 2030». Этот план, бюджет которого составляет 54 млрд. евро, призван помочь восстановить промышленную базу, осуществить масштабные инвестиции в инновационные технологии и поддержать экологический переход [\[17\]](#). Несмотря на это Китай остаётся неизбежным игроком в ряде областей, где на карту поставлены жизненно важные французские и европейские интересы. В частности, Китай является ключевым производителем технологий, без которых невозможен энергетический переход. В этой связи Париж нацелен на достижение определённого уровня конструктивного

взаимодействия с Пекином, при этом открыто увязывая свои интересы с интересами ЕС.

Франция была одним из основных сторонников создания и углубления европейского механизма проверки инвестиций, за который она выступала ещё в 2010 г. Во время своего председательства в Европейском Совете в 2022 г. Франция продвигала разработку общеевропейских инструментов, призванных выравнять экономические условия и корректировать искажающее рыночное поведение, которое нарушало цепочки поставок и приводило к усилению экономической зависимости.

Председательство Франции в Совете ЕС 2022 г. стало своего рода рубежом в отношениях ЕС и Китая, которые с позиции Брюсселя должны были стать более реалистичными и справедливыми для европейских стран. В программе председательства Китай упоминается только дважды. Причем, ни одно из двух упоминаний не являлось уникальным. В первом случае, Франция была намерена продолжать реализацию общей европейской позиции по отношению к Китаю, второе упоминание касается углубления внешнеполитического диалога с Соединенными Штатами, в частности по Китаю и ИТР» [\[18\]](#). Несмотря на определенную сдержанность документа, риторика и политика президента Э. Макрона в отношении Китая была более смелая.

Накануне председательства Э. Макрон в телефонном разговоре с Си Цзиньпином призвал Пекин к дальнейшей переориентации евро-китайских отношений в сторону большей взаимности, особенно в плане доступа на рынки. Он также призвал Китай занять конструктивную позицию, отменив принудительные меры в отношении государств-членов Европейского союза и представителей европейских институтов и парламента, а также выполнив свои обязательства по ратификации конвенций МОТ и борьбе с принудительным трудом [\[19\]](#).

Хотя инструменты торговой политики остаются исключительной компетенцией Европейского союза, Франция стремится усилить координацию на уровне ЕС по таким вопросам, как проверка инвестиций, экспортный контроль и меры по снижению рисков в области кибербезопасности сетей 5G. Что касается последнего, то в августе 2019 г. Франция приняла закон, который фактически обязывает операторов связи перед заключением контракта с поставщиком получать разрешение Агентства национальной кибербезопасности при канцелярии премьер-министра. Это ограничило присутствие Huawei, на него приходится всего 20% оборудования для инфраструктуры 5G во Франции. Французские сети полностью освободятся от оборудования Huawei не раньше 2028 г.

Стремясь к реализации столь амбициозной программы экономической безопасности, и в частности к снижению рисков в отношении Китая, Франция всё же учитывает произошедший сдвиг в технологическом транзите. Способность, которую демонстрирует Пекин к инновациям в критически важных отраслях будущего, меняет ситуацию в сфере трансфера технологий. Возникает объективная потребность в передаче ноу-хау из Китая в Европу. Показательна в этом контексте сфера цифровых технологий и телекоммуникаций. Несмотря на то, что доступ к французским сетям 5G фактически контролируется, Huawei по-прежнему располагает шестью научно-исследовательскими центрами во Франции. Компания также планирует открыть завод по производству оборудования 5G недалеко от Страсбурга для поставок на европейский рынок.

Схожая ситуация складывается и в секторе электромобильности. На севере Франции в регионе О-де-Франс происходит масштабная промышленная трансформация за счет создания специальной экономической зоны, получившей название «долина

аккумуляторов». Этот некогда депрессивный регион превращается в один из центров производства аккумуляторов для электромобилей. «Долина аккумуляторов» нацелена на использование преимуществ разных стран, включая китайских игроков, имеющих заметное преимущество в данных технологиях. В регионе запланировано создание четырех гигантских заводов. В мае 2023 г. была запущена в эксплуатацию первая «Гигафабрика», принадлежащая компании Automotive Cells Company (ACC) – совместное предприятие французского энергетического гиганта TotalEnergies, немецкой Mercedes-Benz и американо-европейской компании Stellantis. Инвесторами остальных трёх заводов выступили китайская группа Envision AESC, французский стартап Verkor и тайваньская компания Prologium, специализирующаяся на производстве твёрдых аккумуляторов. Кроме того, в конце 2023 г. китайская группа XTC New Energy, лидер в производстве катодов (компонента аккумуляторных батарей), и французская группа ядерного топливного цикла Orano объявили о проекте по производству катодов и переработке аккумуляторных батарей недалеко от заводов Verkor и Prologium.

С другой стороны, там, где зависимость от Китая критическая, например, в сфере редкоземельных элементов (РЗЭ), используемых в электромобилях и ветряных турбинах, Франция стремится укрепить свои позиции на европейском рынке. Исторически являясь лидером среди стран Западной Европы по запасам и переработке РЗЭ, Франция в настоящее время усиливает свою роль в процессе диверсификации от китайских поставок. В частности, в 2026 г. в бассейне ЛАК французская компания Carester планирует возобновить переработку постоянных магнитов и концентратов редкоземельных элементов.

В конечном итоге, Франция стремится предотвратить сценарий, при котором переход к цифровому будущему с нулевым уровнем выбросов углерода приведет к усилению стратегической зависимости от кого-либо, в том числе и от Китая. Поддерживая прочные отношения с Соединёнными Штатами, Франция также стремится избежать сценария, при котором подход ЕС к Китаю будет определяться Вашингтоном. В ближайшие годы подобное балансирование, вероятно, станет ещё более сложным.

Париж также стал лидером ЕС по вопросам безопасности в ИТР. Франция первой из стран ЕС разработала в 2018 г. Индо-Тихоокеанскую стратегию. В Стратегии Китай занимает ключевое положение, поэтому упоминается 18 раз (в том числе 4 раза применительно к Южно-Китайскому морю, 9 раз при описании существующих экономических центров силы или при характеристике экологической ситуации, 2 раза на глобальной карте ИТР, 1 раз для указания на то, что Китай является наступательной страной в конкурентной борьбе с точки зрения исследований и разработок, и 2 раза для характеристики важности Китая в регионе [\[20\]](#)).

В разделе «Геополитический баланс сил меняется» французская стратегия дважды подчеркивает вес Китая в регионе. В первом случае, территориальные претензии Китая упоминаются весьма осторожно, равно как и его соперничество с Соединёнными Штатами, которое ставится на один уровень с соперничеством с Индией: «Индо-Тихоокеанский регион сегодня является ареной глубоких стратегических изменений. Рост мощи и территориальные претензии Китая, выражаемые всё более настойчиво, усиление китайско-американского соперничества, напряжённость на китайско-индийской границе и на Корейском полуострове изменяют региональный баланс сил и усложняют стратегическое уравнение». Вторая цитата подчёркивает китайско-американское соперничество в регионе, подтверждая приверженность Франции многостороннему, основанному на праве порядку. Она разделяет эту цель со своими основными

партнёрами в ИТР, включая Индию, Австралию, Японию и АСЕАН. Стратегия подчеркивает сближение их позиций по этому вопросу.

В отличие от США, которые сосредоточены на борьбе с китайской гегемонией, Франция выступает за видение «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона, включающего Китай. Одним из приоритетов является обеспечение морской безопасности, гарантия свободы судоходства в открытом море при одновременном поддержании прагматичного диалога с Китаем. Такой подход разделяет и Германия. Франция сыграла ведущую роль в принятии общеевропейской стратегии сотрудничества в ИТР, в которой также нет прямого указания на соперничество с Китаем, тем не менее, некоторые пункты стратегии ЕС поднимают китайский вопрос, в частности, когда речь идет о важности международного порядка, основанного на правилах или о защите прав человека и демократии.

Следуя стратегическому видению, Франция значительно усилила своё присутствие в Южно-Китайском море. Несмотря на немногочисленные заявления, Франция твёрдо придерживается принципа свободы судоходства в Южно-Китайском море, где французские ВМС проводят регулярные учения, и в Тайваньском проливе, через который также проходят французские военные корабли, что вызывает недовольство Пекина. И хотя Франция подтверждает приверженность «политике одного Китая», она без колебаний игнорирует китайские предупреждения, в том числе и по вопросу продажи оружия Тайваню.

Эту амбивалентность можно интерпретировать как ещё один пример стратегии хеджирования, а выражение «*en même temps*» (и в то же время) стало визитной карточкой Макрона. Французское правительство при президенте Макроне, в частности, тщательно искало баланс между более взвешенным управлением отношениями с Китаем, направленным на снижение рисков, с одной стороны, и, с другой стороны, избеганием ненужного антагонизма с Пекином и разжигания глобальных разногласий и поляризации, например, противодействие Франции открытию офиса связи НАТО в Токио.

Франции крайне важно быть более напористой в своих отношениях с Китаем - как на национальном, так и на европейском уровне. На национальном уровне такой тренд был поддержан населением и частью администрации, включая Министерство экономики, чье восприятие Китая существенно изменилось за последние несколько лет [\[21\]](#).

Что касается французского общественного мнения, то оно антикитайски настроено ещё с эпохи COVID-19. В сентябре - октябре 2020 г. в 13 европейских странах было проведено масштабное исследование общественного мнения в отношении Китая. Основные результаты этого исследования были опубликованы в отчете «Европейское общественное мнение о Китае в эпоху COVID-19: различия и общие черты на континенте». Согласно данному отчету 62% французских респондентов выразили негативное или очень негативное отношение, и только 16% — позитивное. Для большинства опрошенных (53%) их отношение к Китаю за последние годы ухудшилось. Китай является второй наименее уважаемой страной во Франции после Северной Кореи, опережая Россию, Израиль и США. Данные отчета также демонстрируют отсутствие связи между чувствами респондентов по отношению к Китаю и их политической ориентацией. Суммарное количество отрицательных мнений составляет от 58% до 69% независимо от политической партии. Уникальной особенностью Франции является чувствительность французского общественного мнения к политическим вопросам (воздействие Китая на окружающую среду, его военная мощь и влияние на демократию), гораздо более выраженная, чем к экономическим детерминантам [\[22\]](#).

В целом, население поддерживает политику «снижения рисков», что обеспечивает внутреннюю консолидацию вокруг этой темы. Чего нельзя сказать о европейском уровне трансформации политики ЕС в отношении КНР, так во время своего председательства в Совете ЕС 2022 г. Франция была вынуждена проводить тесные консультации с новыми властями в Берлине, которые несколько разочаровались в Китае, но чья промышленность, по-прежнему, была ориентирована на китайский рынок.

В отличие от Германии, для Франции политика «снижения рисков» вписывается в более широкую концепцию экономической безопасности, которая выходит за рамки конкретных опасений по поводу Китая, что является преимуществом французской стратегии. Несмотря на тесные связи с США Париж стремится сохранить самостоятельность в формировании политики в отношении Китая. Помимо экономического аспекта «дерискинга» Франция демонстрирует более ранний и системный подход и к вопросам безопасности, связанных со стратегическим соперничеством Китая и США в ИТР. Таким образом, проводя более реалистичную и взвешенную политику в отношении Китая, которая лишена иллюзий, как по отношению к Пекину, так и к самой себе, Франция становится наилучшим претендентом на роль лидера европейской политики «дерискинга».

Проблемы «Восточного фронта»

Определяющим фактором реализации единого подхода ЕС в отношении Пекина выступает сплоченность всех государств-членов. Отношения стран Центральной и Восточной Европы с Пекином долгое время рассматривались Брюсселем как препятствие для формирования единого подхода ЕС к Китаю. В настоящее время мы наблюдаем снижение интереса среди европейских стран к формату «17+1», посредством которого Китай пытался распространить свои инициативу «Пояс и путь» на Европу, что должно способствовать повышению сплоченности в ЕС. Будущее самого формата отношений ставится под вопрос из-за роста скептицизма относительно перспектив взаимодействия Китая со странами ЦВЕ. Кроме того, как отмечает вице-президент Румынского института изучения Азиатско-Тихоокеанского региона А. Бринза, степень участия стран ЦВЕ в формате «17+1» зависит и от меняющихся приоритетов их политического руководства, что добавляет ещё больше неопределенности в будущее формата [\[23, p.213\]](#).

Отечественные исследователи С.М. Юн и В.С. Пакулин, анализируя недостатки формата «17+1», приходят к выводу, что изначально уровень вовлеченности стран региона в формат был относительно неравномерен. Они выделили четыре группы стран в зависимости от интенсивности их участия в формате. Только крупные страны, такие как Польша, Сербия и Венгрия, получили китайские инвестиции на реализацию инфраструктурных проектов, другие же разочаровались и заняли более прагматичный подход к сотрудничеству [\[24, с.244\]](#). Яркий пример невовлеченности — Литва, долгое время критиковавшая политику Китая и в мае 2021 г. покинувшая платформу «17+1». Однако отсутствие экономических выгод оказалось лишь одной из нескольких причин этого решения. Оно, по-видимому, было связано также с противоречивым характером Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между Китаем и ЕС. Во время, когда решение о выходе из формата «17+1» обсуждалось в сейме, литовские СМИ освещали нарастающее недовольство в политических кругах Литвы относительно справедливости крупнейших стран ЕС, а именно Германии и Франции, выступающих от имени всего Союза по вопросу инвестиционного соглашения с Китаем. Напомним, что окончательное согласование проекта проходило в формате видеоконференции, в которой приняли

участие президент Европейского совета Ш. Мишель, председатель Европейской комиссии У. фон дер Ляйен, председатель КНР Си Цзиньпин, канцлер Германии А. Меркель и президент Франции Э. Макрон.

Вслед за Литвой из формата «17+1» вышли Латвия и Эстония. Страны Балтии в отличие от других стран ЦВЕ не имели проектов в рамках BRI и не могли похвастаться значительными объемами товарооборота с Пекином. В условиях политизации отношений ЕС-Китай они без существенных экономических потерь встали на сторону Брюсселя, тем более, что в бюджете ЕС на 2021-2027 гг. было запланировано выделение дополнительных средств на развитие инфраструктуры стран ЦВЕ.

Политика Чехии в отношении Китая — одна из самых агрессивных в Европе. Причинами напряженности отношений выступает поддержка Китаем России и активное взаимодействие Праги с Тайбэем. Китайское присутствие в Чехии стало возможным благодаря позитивно настроенному политическому истеблишменту, который, прежде всего, представляли президент Милош Земан и его социал-демократическое правительство.

При президенте Земане чешско-китайские отношения, достигнув пика в 2016 г., стали постепенно ухудшаться. Как отмечает М.В. Ведерников: «с одной стороны, это можно объяснить общим сокращением с 2016 г. китайских инвестиций в ЕС. С другой – внутри Чехии начали набирать обороты антикитайские настроения, вызванные предположениями о злоупотреблениях Пекина на территории страны» [\[25, с.89\]](#).

Корпорация CEFC была основным каналом китайских инвестиций в Чехии. В 2018 г. глава CEFC Е Цзяньмин, который также являлся экономическим советником Земана, был задержан в Китае, а акции CEFC в чешских предприятиях были переданы государственной CITIC, что привело к общему сокращению китайских инвестиций в страну. Кроме того, комплекс политических факторов, таких как изменения в политическом дискурсе стране, рост атлантических настроений в чешском истеблишменте и визит председателя Сената М. Выстрчила на Тайвань, привел к тому, что к 2022 г. отношения между Прагой и Пекином утратили свой особый статус.

В Стратегии безопасности Чешской Республики 2023 г. уже говорится о социально-экономическом давлении Пекина, его доминировании в ключевых цепочках поставок, китайской дезинформации и рисках академического сотрудничества с Китаем, а также о широко обсуждаемых в обществе инвестициях в критически важную европейскую инфраструктуру [\[26\]](#).

В Чехии вопрос контроля прямых иностранных инвестиций (ПИИ) был поставлен еще в 2018 г. Созданная при Министерстве промышленности и торговли рабочая группа разработала Билль о контроле ПИИ, предусматривающий право государства ограничивать или запрещать некоторые рискованные для государства иностранные инвестиции. Чешская Республика ввела соответствующий механизм проверки иностранных инвестиций на основе закона «О проверке иностранных инвестиций» [\[27\]](#), вступившего в силу 1 мая 2021 г. Акт соответствует законодательству ЕС о проверке отдельных иностранных инвестиций по соображениям безопасности, установленному Регламентом № (ЕС) 2019/452. Закон вводит обязанность для иностранных инвесторов из стран, не входящих в ЕС, инвестирующих в стратегические секторы чешской экономики, получать предварительное разрешение Министерства промышленности и торговли. По мнению Брюсселя, созданный в Чехии механизм проверки ПИИ является одним из самых строгих в Европе и может служить потенциальным ориентиром для других государств-

членов ЕС. Он охватывает не только критически важную инфраструктуру, но и медиасектор.

Таким образом, в настоящее время страны Балтии, а также Чехия сосредоточены на «системном соперничестве» с Китаем, что приводит к изменению их подходов к взаимодействию с Пекином. Вопросы безопасности выходят на первый план и становятся важнее экономических выгод. Однако подобная политизация не характерна для большинства стран ЦВЕ, таких как Польша, Болгария, Кипр, Мальта, Словакия и Словения, следующих стратегии ЕС по снижению рисков в отношении Китая только в том случае, если на этом настаивает Брюссель. В условиях давления со стороны Европейской комиссии национальные правительства пытаются маневрировать [\[28, p.8\]](#).

В частности, Варшава в своей политике в отношении Китая стремится лавировать между проблемами безопасности и экономическими надеждами. Несмотря на смену правительства по итогам парламентских выборов 2023 г. администрация проевропейского премьер-министра Дональда Туска видит определенный экономический потенциал в отношениях с Пекином.

Несмотря на неутешительный опыт сотрудничества Китая со странами ЦВЕ (в настоящее время уже в формате 14+1), которое не принесло Варшаве экспортных возможностей и инвестиций, Польша рассчитывает получить дивиденды, прежде всего, от логистических услуг и таможенных сборов, связанных с пунктом пропуска Малашевиче. Этот небольшой населённый пункт на востоке Польши, расположенный на границе ЕС, стал одним из крупнейших сухопутных перевалочных портов Европы. Он является обязательной остановкой для грузовых поездов, обслуживающих экспресс «Китай-Европа», и важным узлом в рамках инициативы «Пояс и путь».

Варшава надеется увеличить экспорт мяса, молочной продукции и фруктов в Китай, а также привлечь китайских производителей электромобилей. Акцент Варшавы на расширении экспорта сельскохозяйственной продукции в Китай ограничивает её потенциал для эффективной координации действий с ЕС.

По оценке Европейской комиссии механизм проверки ПИИ в Польше не охватывает всю рекомендованную критически важную инфраструктуру и сектор СМИ, в частности, необходим пересмотр и ограничение китайских инвестиций в порт Гдыня и снижение зависимости Польши от импорта из Китая редкоземельных металлов для её аккумуляторной отрасли. Однако Варшава не проводила публичных оценок зависимости и запаздывает с другими политическими мерами, такими как регулирование 5G или упоминание Китая в стратегических документах.

На протяжении более десяти лет присутствие Huawei в Польше неуклонно росло как в потребительском секторе, так и в сфере инфраструктуры. С 2006 г. она участвовала в строительстве польских сетей 2G и 3G, в результате большинство польских операторов связи и их сети были построены в основном с использованием оборудования и решений Huawei. В 2019 г. один из директоров польского отдела концерна Вэйцзин В., а также сотрудник Агентства внутренней безопасности Польши Петр Д. были арестованы в Варшаве по подозрению в шпионаже в пользу КНР. Эти события ускорили внутренние дебаты о роли Huawei в строительстве сетей 5G. Помимо этого, поскольку США остаются ключевым союзником Польши, китайско-американское стратегическое соперничество привело к растущему скептицизму Варшавы в отношении безусловного сотрудничества с Пекином. Во время визита вице-президента США Майка Пенса в Польшу в сентябре 2019 г. была подписана Совместная американско-польская декларация о 5G, содержащая

критерии оценки поставщиков услуг [\[29\]](#). Премьер-министр Польши Моравецкий также продвигал концепцию «европейского реализма 5G», что на практике означало большую осведомленность о рисках, возникающих в результате технологического сотрудничества с субъектами из недемократических государств [\[30\]](#).

В январе 2020 г. Европейская комиссия одобрила и опубликовала единый комплекс мер по снижению рисков в области кибербезопасности сетей 5G (5G Toolbox), который определяет риски и меры, которые государства-члены и операторы связи должны принять для их устранения. Все государства-члены ЕС должны были внедрить рекомендации этого инструментария в своё национальное законодательство. Несмотря на активную риторику Польша до сих пор полностью не внедрила комплекс мер т. н. 5G Toolbox. Министерство цифровых технологий признает, что Польша одна из последних стран Евросоюза, где отсутствует горизонтальное регулирование процедуры определения поставщика с высокой степенью риска.

В марте 2025 г. Европейская комиссия призвала государства-члены ЕС запретить или ограничить использование оборудования китайской компании Huawei в своих сетях 5G по соображениям безопасности. Решение отказаться от технологий, поставляемых Huawei, и предпринять шаги в этом направлении приняли лишь 12 европейских стран (Эстония, Дания, Франция, Германия, Италия, Латвия, Литва, Португалия, Румыния, Швеция, Словения и Великобритания). В свою очередь, Министерство цифровых технологий Польши заявило, что не планируется вводить запрет или ограничение на использование оборудования или программного обеспечения в польских телекоммуникационных сетях. В Польше реализация такого решения потребует от операторов перестроить свои системы и заменить устройства более дорогими западными аналогами. Учитывая, что польские сети 4G и 5G от 50% до 90% в зависимости от оператора созданы на базе технологий Huawei, такое решение будет принято ещё нескоро.

Дружественный трек на «Восточном фронте» представляет Будапешт. Венгрия проводит самую последовательную пропекинскую политику среди всех стран ЕС. Только за период с 2016 по 2022 г. она шесть раз наложила вето на заявления ЕС с критикой в адрес Китая. В 2024 г. Пекин и Будапешт подписали «Всепогодное всеобъемлющее стратегическое партнерство», один из самых высоких уровней партнерства Китая. Политическая и экономическая открытость Венгрии позволила Китаю частично смягчить негативные последствия ухудшения отношений с ЕС. Венгрия является единственной страной ЕС, которая открыто поддержала интересы Китая в Европе и продолжила активное участие как в BRI, так и в формате «14+1».

На фоне ужесточения позиции ЕС по отношению к Китаю китайско-венгерские отношения получили новый импульс. За счет инвестиций крупнейших китайских компаний (CATL и BYD Co Ltd) в сектор электромобильности, Венгрия может стать центром производства китайских электромобилей в Европе и одним из ведущих мировых производителей литий-ионных аккумуляторов. Венгрия готова углублять свои экономические отношения с Китаем, несмотря на политику «снижения рисков», которую пропагандирует Европейская комиссия.

Сотрудничество с Пекином рассматривается Будапештом исключительно как экономическая возможность для страны. Выступая на форуме BRI в Пекине в октябре 2023 г. Орбан охарактеризовал европейскую политику «снижения рисков» как ещё один шаг к созданию биполярного мира и заявил, что Венгрия больше заинтересована в построении мира, основанного на взаимосвязанности, а не на экономической изоляции

[\[31\]](#).

Позиция В. Орбана в отношении Китая находит поддержку внутри страны. Так министр экономического развития Мартон Надь называет чудом в условиях политизированной мировой экономики китайский инвестиционный бум в стране и скептически оценивает перспективы реализации стратегии Германии в отношении Китая, считая, что на практике она окажется более мягкой [\[32\]](#). А вот на уровне Брюсселя и среди ближайших соседей подобная позиция не получает одобрения. Так аналитики Центра восточных исследований имени Марека Карпа Гизиньска И. и Узнаньская П. отмечают, что роль Венгрии как адвоката Китая только ослабила ее позиции, как в ЕС, так и в НАТО. В свою очередь, Китай не сможет использовать свое сотрудничество с Венгрией, чтобы переломить негативную тенденцию в отношениях с ЕС [\[33\]](#).

Официальный Будапешт рассматривает сотрудничество с Китаем как возможность снизить зависимость от общеевропейской конъюнктуры и укрепить экономический суверенитет страны. По мнению Л.А. Юрасовой именно «неортодоксальная экономическая политика», проводимая внутри страны, и политика «открытия на восток» как новый вектор внешнеэкономической стратегии Венгрии стали наиболее эффективными инструментами правительства Орбана по расширению национального экономического суверенитета [\[34, с. 101\]](#).

Парадоксально, но более тесное сотрудничество Венгрии с Китаем помогает другим государствам-членам ЕС, не в последнюю очередь Германии, снизить свою прямую зависимость от Китая. Очевидно, что китайские производители аккумуляторов, например CATL, который инвестировал более 7 млрд. евро в строительство завода по производству литиевых батарей на востоке Венгрии, будут поставлять продукцию немецким автопроизводителям, а китайские автозаводы, в частности BYD, будут продавать свою продукцию на европейских рынках. Объем китайских инвестиций в венгерский сектор электромобилей составляет 5–6% валового внутреннего продукта и 20–25% экспорта. Поэтому можно ожидать, что венгерское правительство продолжит свою прокитайскую политику не только внутри страны, но и в рамках европейской системы принятия решений.

1 июля 2024 г. Венгрия заняла пост председателя в Совете ЕС. В программе председательства отношения с Китаем представлены в более широком контексте. В целом, венгерское председательство нацелено на укрепление отношений между ЕС и Азией, в частности, со странами ИТР, что обусловлено значительным влиянием азиатского континента на стабильность и конкурентоспособность Европы. Особое внимание необходимо уделить развитию торговли, привлечению инвестиций и взаимосвязанности между двумя континентами. В связи с этим особенно важна реализация инициатив ЕС, актуальных для региона, таких как Индо-Тихоокеанская стратегия и региональных проектов инициативы «Глобальные ворота». Основная цель венгерского председательства — обеспечение прагматичного и сбалансированного подхода к Китаю как важнейшему торгово-экономическому партнёру и поддержание конструктивного диалога в сфере экономики и стратегической безопасности в отношениях между ЕС и Китаем [\[35, p.11\]](#).

В первые дни председательства В. Орбан совершил визиты на Украину, в Россию, Китай и США. Председатель Европейского совета Шарль Мишель и верховный представитель Жозеп Боррель заявили, что не рассматривают Орбана в качестве переговорщика от ЕС в рамках данных визитов. Как отмечает Л.Н. Шишелина «свою несогласованную с

руководством ЕС поездку В. Орбан объяснил намерением не отсиживаться в кресле председателя, а действовать в поиске решения самых острых проблем, которые тормозят развитие ЕС» [\[36, с.17\]](#). В первую речь шла об урегулировании украинского кризиса и о том, что только три глобальных игрока (ЕС, США и Китай) способны влиять на развитие событий в данном контексте.

Самопровозглашенная «дипломатия мира» В. Орбана вновь указывает на проблемы, связанные с внешним представительством ЕС. С правовой точки зрения Ж. Боррель прав, так как в соответствии со статьей 17 договора о Европейском союзе [\[37\]](#) ротация председательства в Совете имеет только внутреннюю представительскую функцию, в том смысле, что она представляет Совет в его отношениях с другими институтами ЕС, но не играет никакой формальной роли на международной арене (с момента подписания Лиссабонского договора). Поэтому визиты Орбана следует рассматривать как выражение венгерской, а не европейской внешней политики. Однако при осуществлении своих национальных компетенций государства-члены обязаны соблюдать законодательство ЕС. Это применимо и в отношении Общей внешней политики и политики безопасности, которая является неотъемлемой частью правового порядка ЕС. Так статья 29 договора о Европейском союзе предусматривает, что государства-члены обеспечивают соответствие своей национальной политики позициям Союза. Конкретное выражение обязательства лояльности можно найти в статье 32, которая, в частности, предусматривает, что перед тем, как предпринять какие-либо действия на международной арене или взять на себя какие-либо обязательства, которые могут затронуть интересы Союза, каждое государство-член должно консультироваться с другими в рамках Европейского совета или Совета» [\[37\]](#). Систематическое несоблюдение государствами-членами своих обязательств в рамках ОВПБ может привести к искам в суд, хрестоматийными примерами такого сценария являются дела Комиссии ЕС против Швеции (2007) и Греции (2009) о разделении полномочий между Сообществом и государствами-членами.

Трудно предположить, насколько далеко Орбан готов зайти, чтобы ограничить действия на уровне ЕС, направленные на снижение экономической зависимости от Китая, если он столкнется с давлением со стороны Берлина или других крупных европейских столиц. В целом, правительство надеется, что внутренние дебаты в этих странах в конечном итоге смягчат любые действия, связанные с политикой «снижения рисков», без необходимости для венгерского правительства активно накладывать на них вето, в то же время, извлекая экономические и политические выгоды из прочных деловых отношений с Пекином.

Динамика взглядов на Китай в странах ЦВЕ может меняться в зависимости от результатов парламентских и президентских выборов. В преддверии парламентских выборов в Венгрии в 2026 г. наблюдается большой разрыв в восприятии Китая между сторонниками правящей партии «Фидес» и её главного оппонента — партии «Тиса», которой эксперты прогнозируют победу. Среди сторонников «Фидес» к Китаю положительно относятся 47,5% респондентов и отрицательно — 27,8%, тогда как среди сторонников партии «Тиса» этот показатель составляет 24,6% и 58,1% соответственно. Если в правительстве действительно произойдут перемены, китайская ориентация Будапешта может оказаться под угрозой. Аналогичные поляризованные взгляды присутствуют и в Словакии, где существуют значительные расхождения в восприятии Китая между сторонниками правящей партии Smer-SD и ведущей оппозиционной партии «Прогрессивная Словакия» [\[38\]](#).

В Чехии в октябре 2025 г. также пройдут парламентские выборы, партия ANO Андрея

Бабиша лидирует по опросам общественного мнения. Негативное восприятие Китая среди сторонников АНО не исключает прагматичного подхода к Пекину, о котором АНО заявляет в оппозиции. Исключение в этом ряду составляет лишь Польша, где взгляды на Китай сравнительно менее поляризованы между правящей Гражданской коалицией и главной оппозиционной партией «Право и справедливость», что отражается в относительной преемственности политики Варшавы в отношении Китая.

Поскольку Восточная Европа сталкивается с растущим давлением, как со стороны ЕС, так и Китая, в экономическом, технологическом, и всё больше в нормативном аспектах, то вопрос о том, как позиционировать себя становится всё более актуальным. Страны ЦВЕ в ответе на этот вопрос демонстрируют высокую степень амбивалентности.

Кейс Италии

В 2019 г. Италия стала инструментом китайского влияния в Европе, когда был подписан Меморандум о взаимопонимании по реализации инициативы «Пояс и путь» [\[39\]](#). Италия была единственной страной «Большой семерки», официально поддержавшей инициативу Си Цзиньпина, что стало дипломатической победой Китая. Хотя документ преследовал преимущественно коммерческие цели, международное общественное мнение в основном подчеркивало его политическое значение. Таким образом, Рим выступил как субъект, который в одностороннем порядке нарушил европейское единство по отношению к Китаю.

Связи между Пекином и Римом достигли своего пика при втором правительстве Конте (2019–2021 гг.). Пересмотр политики в отношении Китая начался с правительства Марио Драги в феврале 2021 г. и ускорился с приходом к власти национально-консервативной коалиции во главе с Джорджи Мелони в сентябре 2022 г. Мелони и ее партия последовательно выступали против Меморандума о взаимопонимании с Китаем, однако официально её правительство начало публично обсуждать возможность выхода Италии из BRI только весной 2023 г. Сдержанный выход Италии из инициативы «Пояс и путь» в декабре 2023 г. стал результатом переоценки её двусторонних отношений с Китаем.

Решение Италии отказаться от геополитического проекта, продвигаемого председателем Си Цзиньпином, было обусловлено совокупностью факторов: давлением со стороны Соединенных Штатов; повышенным вниманием итальянских спецслужб к китайским инвестициям в секторах, представляющих стратегический интерес; и увеличением дефицита торгового баланса Италии с КНР.

Соответственно, выход Италии из BRI стал результатом не только отсутствия экономических выгод, но и был обусловлен давлением со стороны США. Италия до выборов в Европарламент 2024 г. и председательства в «Большой семёрке» должна была продемонстрировать, что приняла определенные меры в отношении Китая, учитывая, что он будет ключевой темой двусторонних переговоров.

В июне 2023 г. итальянское правительство ограничило права крупнейшего китайского акционера Pirelli — ChemChina. Изменение структуры собственности компании в пользу итальянской инвестиционной группы Camfin вызвано опасениями ограничения доступа на американский рынок, где Pirelli реализует четверть своих глобальных продаж. Напомним, что с 2027 г. США планируют ввести запрет на импорт программного обеспечения для автоматизированного вождения, а с 2030 г. на оборудование для систем подключения автомобилей от производителей, аффилированных с Китаем или Россией. В этом контексте, в США особую тревогу вызывает технология «умных» шин Pirelli.

Выдвинутый тезис о важности США для поведения Италии на международной арене подтверждается рядом экспертов, в частности, Е.А. Маслова считает, что для Италии «значимым Другим» являются, прежде всего, США, а атлантизм стал маркером «нормальности» и конвенциональности в итальянской политике [\[40, с.282\]](#).

Однако правительство Дж. Мелони не собиралось идти на полный разрыв отношений с Пекином. В рамках её официального визита в Китай в июле 2024 г. был обнародован План действий по укреплению всеобъемлющего стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Итальянской Республикой (2024–2027 гг.), в котором обозначены шесть приоритетных секторов сотрудничества: торговля и инвестиции, финансы, научные и технологические инновации и образование, зелёное и устойчивое развитие, медицина и здравоохранение, а также культурные связи и обмены между людьми [\[41\]](#).

Таким образом, вместо формального членства Италии в BRI было возобновлено стратегическое партнёрство, зародившееся в 2004 г., это продемонстрировало, что отношения между Италией и Китаем выходят за рамки Меморандума. Безусловно, за последние пять лет Рим частично или полностью блокировал определенные инвестиции из КНР в стратегические сектора, такие как порты, сети 5G, робототехника, агропродовольствие и беспилотники. Однако китайские компании по-прежнему играют важную роль в морских портах, электро- и газоснабжении страны, причём часть этих инвестиций были сделаны ещё до введения в 2012 г. т.н. «золотых полномочий» (Golden Power), которые предоставляют итальянскому правительству право ограничивать или накладывать вето на ПИИ или сделки, связанные со стратегическими активами.

«Золотые полномочия» могут быть реализованы в секторах обороны и национальной безопасности, к которым недавно добавились технологии 5G, а также в стратегически важных областях в сфере энергетики, транспорта и связи. В соответствии с европейским законодательством, в частности, Регламентом ЕС № 452 от 2019 г., итальянский законодатель, расширяя и углубляя особые полномочия, ввёл дополнительные стратегические направления, такие как водоснабжение, страхование, искусственный интеллект, биотехнологии, агропродовольственный сектор, плюрализм СМИ и т. д.

Следование европейским регламентам, однако, не помешало министру предпринимательства Адольфо Урсо в начале июля 2024 г. вести переговоры о совместных инвестициях итальянской Renexia и группы Ming Yang в морские ветровые электростанции, подписании соглашений с CCIG, заинтересованной в производстве электробусов в Италии, а также с JAC Motors и Chery, крупным игроком на мировом рынке в сфере электромобильности.

Электромобили для Китая — одна из стратегических экспортных отраслей, входящая в число «трех новых» секторов (вместе с аккумуляторами и фотоэлектрическими системами), которые вытеснили «три старых»: одежду, бытовую технику и мебель. В условиях введения со стороны ЕС в октябре 2024 г. дополнительных пошлин на импорт китайских электромобилей, которые могли достигать 45,3% сверх стандартной импортной пошлины в размере 10%, крупнейшие китайские производители, такие как BYD и Leapmotor скорректировали свою европейскую стратегию. С одной стороны, они стали продавать на европейский рынок больше гибридных автомобилей, с другой стороны, чтобы обойти пошлины, китайские компании ищут новые площадки для автомобильных заводов, что усилило конкуренцию среди европейских стран за локализацию китайского производства.

Основным пунктом назначения этих инвестиций является Венгрия, однако в последние годы китайские инвестиции в сектор электромобилей также были направлены во Францию, Германию, Швецию и Великобританию. Италия стала одной из 12 стран ЕС, которая поддержала введение тарифов на импорт китайских электромобилей, рассчитывая, что ряд китайских производителей откроют заводы в Италии с обязательством использовать преимущественно отечественные комплектующие.

Позиция Рима в этом контексте понятна. Его интерес заключается в защите занятости внутри страны, стимулировании развития производственных мощностей и сохранении последовательной позиции в отношениях с европейскими партнёрами и Европейской комиссией. Исходя из этого, Италия инициировала диалог Stellantis, которая контролирует производственные площадки, ранее принадлежавшие историческому итальянскому автопроизводителю Fiat, с Dongfeng Motors. Стратегия итальянского правительства заключается, с одной стороны, в том, чтобы подтолкнуть Stellantis к увеличению годового производства автомобилей в Италии как минимум до одного миллиона единиц и, в то же время, обеспечить необходимый уровень занятости за счет китайских производственных мощностей.

Таким образом, локализация китайского автомобильного производства в Европе может рассматриваться как меньшее зло: несмотря на возможные трудности для местных компаний из-за конкуренции, есть надежда на сохранение рабочих мест и стимулирование технологического перетока, что в перспективе может способствовать развитию стартапов по производству автокомпонентов. Этот аспект становится ещё более значимым для европейских правительств в контексте транснационализации местных производителей, которых всё меньше заботят социальные последствия их деятельности.

Хотя усилия министра Урсо по привлечению китайских производителей электромобилей на территорию Италии не увенчались успехом, в конце марта 2025 г. китайский гигант BYD подписал соглашение о поставке запасных частей с Intergea. В апреле того же года China Merchants объявила о сделке на 1,3 млрд. долларов с итальянской компанией Grimaldi на строительство девяти новых судов. А Nuctech, китайский гигант в области сканирования, находящийся под санкциями в США и считающийся высокорискованным, выиграл два тендера Таможенного управления на поставку шести мобильных сканеров для двух итальянских портов.

Развивая отношения с Китаем, итальянское правительство в первую очередь заинтересовано в их экономическом и торговом измерении, особенно в нестратегических секторах, таких как автомобилестроение, текстильная и фармацевтическая промышленность и др., в то время как китайское правительство — в их потенциальных геополитических последствиях. Пекин заинтересован в повышении способности «суверенных» правительств сдерживать инициативы Брюсселя, в частности политику «дерискинга», инициированную Комиссией ЕС во главе с Урсулой фон дер Ляйен.

В пользу ограниченной реализации политики «сокращения рисков» на территории Италии говорит сложный межпартийный консенсус и отсутствие четкой стратегии в отношении Китая. Популистское «Движение пяти звёзд» и часть левоцентристской Демократической партии традиционно более дружелюбны к Китаю, а члены правящей партии «Братья Италии» в июле 2024 г. не поддержали повторное назначение фон дер Ляйен на пост председателя Европейской комиссии из-за недовольства её «зеленым» курсом.

SWOT-анализ отношений ЕС и Китая

Отношения ЕС с Китаем стремительно меняются. На динамику взаимоотношений влияет глубина экономических связей государств-членов с Китаем, американский фактор и степень давления со стороны Брюсселя. ЕС в настоящее время сталкивается с рядом угроз и возможностей в своих отношениях с Китаем. На основе проведенного исследования сделан swot-анализ, в рамках которого были выделены сильные и слабые стороны, а также определены возможности и угрозы для Европы в отношениях с Китаем в краткосрочной перспективе.

Сильные стороны	Возможности
1. ЕС является крупнейшим в мире единым рынком и одной из крупнейших экономик мира.	1. Сотрудничество в области климата и инноваций для решения глобальных проблем.
2. Технологический и инновационный потенциал ЕС.	2. Продвижение европейских ценностей и стандартов.
3. Нормативная сила Европы.	3. Разработка последовательной политической стратегии ЕС в отношении Китая и Азии в целом, в том числе, за счет расширения знаний о Китае.
4. Международные альянсы и партнерства.	4. Диверсификация партнерских отношений с третьими странами в условиях соперничества США и Китая.
Слабые стороны	Угрозы
1. Внутренние разногласия и слабый мандат общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).	1. Фрагментация Европы и инертность общей внешней политики.
2. Экономическая и технологическая зависимость от Китая и США.	2. Гибридные и системные угрозы, включая кибератаки и дезинформацию.
3. Гибридные угрозы, связанные с влиянием Китая через СМИ и коммуникации.	3. Геополитическая напряженность между США и Китаем, снижение политического влияния ЕС в третьих странах.
4. Недостаток знаний и плохое восприятие Китая. Европейский догматизм и высокомерие по отношению Китая; а также культурные различия между Европой и Китаем усложняют взаимодействие.	4. Зависимость от китайских цепочек поставок, уязвимость инфраструктуры и технологическое отставание.

Выделенные преимущества ЕС, определяющие его возможности в отношениях с Китаем, недолговечны. Макроэкономические показатели ЕС пока позволяют Брюсселю оказывать давление на Китай, вводя определенные условия доступа китайских компаний на европейский рынок, но в краткосрочной перспективе Пекин может переломить эту тенденцию. Схожая ситуация наблюдается и в научно-технологической сфере, где сотрудничество дополнительно обременено необходимостью для ЕС защищать важнейшие ноу-хау.

Нормативная сила ЕС является одним из слабых преимуществ Брюсселя в отношениях с Китаем. Она не столь эффективна по отношению к Китаю по сравнению с другими странами. ЕС, по мнению Пекина, не обладает достаточной легитимностью, чтобы быть нормативной силой, и не воспринимается таковой в Китае. Ещё одной причиной отсутствия у ЕС нормативной силы в Китае — это противоречивые позиции государств-членов ЕС и его институтов. Разобщенность перерастает в непоследовательность, что делает ЕС ненадёжным в глазах партнёра. Показательной здесь будет беседа А. Меркель с Вэнь Цзябао по греческому вопросу, о чем речь шла выше.

За счет поддержания альянсов и партнерств с западными странами ЕС получает определенные возможности влиять на Китай, защищая свои интересы. Но в условиях формирования нового мирового порядка, эти возможности сокращаются. Если европейцы хотят решать глобальные проблемы и продвигать свои интересы, то они должны конструктивно взаимодействовать и с незападными игроками.

Заметна определенная корреляция между возможностями и угрозами в отношениях ЕС и КНР: использование возможностей одной стороны зачастую увеличивает риски для другой. Эффективное управление этой корреляцией предполагает развитие механизмов диалога, доверия и правил игры, позволяющих минимизировать негативные последствия и максимально использовать потенциал сотрудничества.

Заключение

Политика «дерискинга» ЕС в отношении Китая нуждается в «интегрированном» видении, включающем все сферы политики, четкую дефиницию угроз и слабых сторон, и реальную оценку роли Китая в мировой экономике и политике. Политика «снижения рисков» ЕС обречена на низкую эффективность, поскольку она всегда будет сталкиваться с дилеммой интересов государств-членов. Снижение экономической зависимости от Китая посредством инвестиций в промышленную политику и диверсификации цепочек поставок — это длительная и дорогостоящая стратегия, которая подталкивает европейские страны к минимизации расходов и сохранению конструктивных отношений с Пекином.

Вместо того, чтобы объединить Союз вокруг одной задачи, политика «дерискинга» рискует усилить национальную разобщенность, поскольку каждое государство реализует ее на своих условиях. Существует широкий спектр позиций по Китаю — Венгрия и отчасти Германия находятся на самом дружественном по отношению к Пекину фланге, в то время как Чехия и страны Балтии составляют противоположный фронт. При этом взгляды государств-членов ЕС на Китай могут меняться в зависимости от результатов предстоящих парламентских и президентских выборов. Политическая фрагментация заметна и на уровне Европейского парламента. Результаты выборов 2024 г. продемонстрировали существенные изменения в политическом ландшафте: центристские партии уступили позиции крайне правым группам, таким как «Идентичность и демократия» и «Европейские консерваторы и реформисты». Эта политическая перестройка, несомненно, повлияет на подход ЕС к Китаю, представляя более разнообразные и потенциально противоречивые политические взгляды.

Для того чтобы избежать усугубления политической фрагментации, ЕС должен сосредоточиться на внутренних проблемах - инвестировать в промышленную политику и инфраструктуру, продвигать и совершенствовать свои инновационные разработки, диверсифицировать поставки РЗЭ, в том числе за счет внутренних ресурсов.

В настоящее время Брюссель и другие европейские столицы склоняются к поддержке подхода президента Франции Макрона, рассматривая «стратегическую автономию» ЕС в

более широком контексте как независимость не только от Китая, но и от США. В противном случае его автономия будет оставаться скорее риторической, чем реальной.

Однако с нашей точки зрения, чтобы выйти за рамки логики соперничества великих держав, Брюсселю стоило бы выбрать модель «стратегической взаимозависимости». «Стратегическая взаимозависимость» — это средний путь между стратегической автономией, которая грозит расколоть ЕС и отдалить от него остальной мир, и полным растворением в антикитайском блоке во главе с США. «Стратегическая взаимозависимость» предполагает, что два субъекта зависят друг от друга в достижении своих целей и стратегий. Это означает, что действия одного субъекта могут оказывать значительное влияние на другого, и наоборот, что требует от них учета интересов и возможных ответных действий друг друга.

В стратегии ЕС довольно четко определены его интересы в отношениях с Китаем, а интересы другой стороны не принимаются во внимание. Неслучайно недостаток знаний и плохое восприятие Китая выделено в качестве слабого места европейско-китайских отношений. Отсутствие комплексного анализа внутренней ситуации в Китае и его внешней политики приводит к тому, что китайская стратегия ЕС формируется на основе ошибочных представлений и стереотипов. К сожалению, европейцы не всегда верно интерпретируют основные события внутренней политики Китая, проводя аналогии с европейской политикой.

В условиях глобальной взаимозависимости разъединение экономик просто нереально и нанесет ущерб национальным интересам, хотя, безусловно, есть области, где имеет смысл избегать чрезмерной зависимости от других стран. Отдельные страны, например Италия или Франция, по факту уже идут этим средним путем. В конечном итоге, будущее отношений ЕС и Китая будет зависеть от способности ЕС выработать единый подход, сочетающий экономические интересы с интересами безопасности, а также уметь ориентироваться в сложных условиях меняющихся трансатлантических отношений.

Библиография

1. European Commission. Joint Communication to The European Parliament, The European Council and The Council EU-China – A strategic outlook. 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52019JC0005> (дата обращения: 14.01.2025).
2. European Commission. Joint Communication to The European Parliament and The Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 07.09.2025).
3. European Commission. Joint Communication to The European Parliament, The European Council and The Council on "European Economic Security Strategy". 2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023JC0020> (дата обращения: 07.09.2025).
4. European Commission. Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre. 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/hu/speech_23_2063 (дата обращения: 07.09.2025).
5. Kuik C.C. Getting hedging right: a small-state perspective // China International Strategy Review. 2021. №3. P. 300-315. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-021-00089-5> (дата обращения: 09.09.2025). DOI: 10.1007/s42533-021-00089-5. EDN: SHYWTR.
6. Europe's choice. Political guidelines for the next European Commission 2024–2029.

- Ursula von der Leyen. Candidate for the European Commission President. 2024. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf (дата обращения: 07.09.2025).
7. Шредер Г. Решения. Моя жизнь в политике / Герхард Шрёдер; [пер. с нем. Г. Леоновой]. М.: Издательство "Европа", 2007. 552 с. EDN: QPHSSF.
8. Вайденфельд У. Ангела Меркель. Женщина-канцлер. Портрет эпохи / пер. с нем. яз. К.С. Чесноковой. М.: Издательство АСТ, 2022. 320 с.
9. Kirchner R., Wurzel S. Deutsche China-Politik. Kein Wandel durch Handel // Deutschlandfunk. 27.04.2021. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/deutsche-china-politik-kein-wandel-durch-handel-100.html> (дата обращения: 09.09.2025).
10. Programm der deutschen EU-Ratspräsidentschaft "Gemeinsam. Europa wieder stark machen" 1. Juli bis 31. Dezember 2020. URL: <https://www.eu2020.de/resource/blob/2360246/d0e7b758973f0b1f56e74730bfdaf99d/pdf-programm-de-data.pdf> (дата обращения: 18.01.2025).
11. Deutscher Bundestag. China und deutsche EU-Ratspräsidentschaft. 2020. URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/presse/hib/2020_07/704892-704892 (дата обращения: 16.02.2025).
12. China Strategie der Bundesregierung // Auswärtiges Amt. 2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2608578/810fdade376b1467f20bdb697b2acd58/china-strategie-data.pdf> (дата обращения: 09.09.2025).
13. Hat das Kanzleramt in der China-Politik etwas zu verbergen? // Pressemitteilung. 19.04.2023. URL: <https://www.cdusu.de/presse/pressemitteilungen/hat-das-kanzleramt-der-china-politik-etwas-zu-verbergen> (дата обращения: 09.09.2025).
14. Арзаманова Т. В. Китайская головоломка в контексте "смены эпох" (Zeitenwende) // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 240-259. DOI: 10.31249/ape/2024.04.13. EDN: INMEZU.
15. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Fraktion der CDU/CSU – Drucksache 20/14577. Stand der Umsetzung der China-Strategie der Bundesregierung. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/149/2014941.pdf> (дата обращения: 17.02.2025).
16. Conférence des Ambassadrices et des Ambassadeurs: le discours du Président Emmanuel Macron. Elysée. 28 août 2023. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/08/28/conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs-le-discours-du-president-emmanuel-macron> (дата обращения: 09.09.2025).
17. France 2030: un plan d'investissement pour la France // Le ministère de l'Économie, des Finances et de la Souveraineté industrielle et numérique. 13.10.2023. URL: https://www.economie.gouv.fr/france-2030?__cf_chl_tk=oYdbqc1ihXc5kRLSx1HipbC39UfK5wxE7LZ2LJcshYw-1756625595-1.0.1.1-kA5IhzOToSxdx_IKAycjkYrBG0DR_Qj3HYur3K0P5nM (дата обращения: 09.09.2025).
18. French presidency of the Council of the EU // European Economic and Social Committee. URL: <https://www.eesc.europa.eu/en/french-presidency-council-eu> (дата обращения: 17.02.2025).
19. Entretien téléphonique avec M. XI Jinping, Président de la République populaire de Chine. Publié le 26 octobre 2021. // Elysée. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/10/26/entretien-telephonique-avec-m-xi-jinping-president-de-la-republique-populaire-de-chine-2> (дата обращения: 09.09.2025).
20. France's Indo-Pacific Strategy // Ministry for Europe and Foreign Affairs. URL: https://ambafrance.org/IMG/pdf/en_indopacifique_web.pdf (дата обращения: 13.09.2025).
21. Bondaz A. The French EU Presidency Must Be More Ambitious with China Agenda //

- China Observers in Central and Eastern Europe. 26.01.2022. URL: <https://chinaobservers.eu/the-french-eu-presidency-must-be-more-ambitious-with-china-agenda/> (дата обращения: 13.09.2025).
22. Julienne M., Turcsanyi R.-Q., Simalcik M., Kironska K., Sedlakova R. French public opinion on China in the age of COVID-19. Political distrust trumps economic opportunities // Institut français des relations internationales. 24.11.2020. URL: <https://www.ifri.org/fr/publications-exterieures/lopinion-publique-francaise-sur-la-chine-lere-du-covid-19-la-mefiance> (дата обращения: 09.09.2025).
23. Brinza A. The "17+1" Mechanism: Caught Between China and the United States // China Quarterly of International Strategic Studies. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 213-231.
24. Юн С.М., Пакулин В.С. Взаимодействие Китая и стран Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы "Пояса и пути" и формата "17+1" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 241-253. DOI: 10.21638/spbu06.2021.207. EDN: QJPXPQ.
25. Ведерников М.В. Динамика отношений с Китаем: ценностный подход во внешней политике Чехии // Современная Европа. 2022. № 6. С. 82-97. DOI: 10.31857/S0201708322060067. EDN: GPLFGC.
26. Security Strategy of the Czech Republic 2023. // Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. URL: https://mzv.gov.cz/file/5161068/Security_Strategy_of_the_Czech_Republic_2023.pdf (дата обращения: 13.09.2025).
27. ACT of 19 January 2021 on the screening of foreign investments and amendment of related laws (Foreign Investments Screening Act) // Investment Policy Hub. UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-laws/laws/434/czechia-foreign-investments-screening-act> (дата обращения: 13.09.2025).
28. EU-China relations: De-risking or de-coupling – the future of the EU strategy towards. China Study requested by European Parliament's Committee on Foreign Affairs. 15.03.2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/754446/EXPO_STU\(2024\)754446_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/754446/EXPO_STU(2024)754446_EN.pdf) (дата обращения: 13.09.2025).
29. U.S.-Poland Joint Declaration on 5G // The White House. 2.09.2019. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/u-s-poland-joint-declaration-5g/> (дата обращения: 13.09.2025).
30. Prime Minister Mateusz Morawiecki 's article in 'The Telegraph' – Clean path to a new model of globalization: time for European 5G realism" // Gov.pl. 16.07.2020. URL: <https://www.gov.pl/web/usa-en/prime-minister-mateusz-morawieckis-article-in-the-telegraph---clean-path-to-a-new-model-of-globalization-time-for-european-5g-realism> (дата обращения: 09.09.2025).
31. Address by Prime Minister Viktor Orbán at the "One Belt, One Road" Forum // Abouthungary. 18.10.2023. URL: <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/address-by-prime-minister-viktor-orban-at-the-one-belt-one-road-forum> (дата обращения: 09.09.2025).
32. Nagy Márton csodának nevezte a magyar-kínai gazdasági kapcsolatokat // Infostart. 25.07.2023. URL: <https://infostart.hu/gazdasag/2023/07/25/nagy-marton-csodanak-nevezte-a-magyar-kina-i-gazdasagi-kapcsolatokat#> (дата обращения: 09.09.2025).
33. Gizińska I., Uznańska P. China's European bridgehead. Hungary's dangerous relationship with Beijing // Centre for Eastern Studies. 2024. №590. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-04-12/chinas-european-bridgehead-hungarys-dangerous-relationship> (дата обращения: 17.02.2025).
34. Юрасова Л.А. Политика венгерского суверенитета // Вестник МГИМО-Университета.

2016. №4(49). С. 99-116. EDN: WXOKHX.

35. Az Európai Unió Tanácsa 2024. második félévi magyar elnökségének programja. URL: <https://pozsony.mfa.gov.hu/asset/view/185469/Eln%C3%B6ks%C3%A9giProgram0618.pdf> (дата обращения: 09.09.2025).

36. Шишелина Л.Н. Венгрия: два председательства в Совете ЕС // Современная Европа. 2024. № 7. С. 17-29. DOI: 10.31857/S0201708324070027. EDN: CCGKQC.

37. Consolidated Version of the Treaty on European // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 09.09.2025).

38. Šimalčík M., Šebok F. Navigating uncertainty. Central European public opinion on geopolitics in 2025 // Central European Institute of Asian Studies. URL: https://ceias.eu/wp-content/uploads/2025/04/EMIF_Report1_Print.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

39. Memorandum of Understanding between the Government of the Italian Republic and the Government of the People's Republic of China on cooperation within the framework of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road Initiative. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_EN.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

40. Маслова Е.А. Италия – Китай: стратегическое партнерство продолжается? // Актуальные проблемы Европы. 2024. №4. С. 278-294. DOI: 10.31249/ape/2024.04.15. EDN: EZOCJQ.

41. Piano d'azione per il rafforzamento del Partenariato Strategico Globale Cina-Italia (2024–2027). URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Piano_Azione_Italia-Cina_2024-2027_1.pdf (дата обращения: 09.09.2025). ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эволюция подходов государств-членов Европейского союза к реализации политики «дерискинга» в отношении Китая в условиях трансформации глобального порядка. Научная актуальность работы обусловлена эскалацией глобальной биполярности между США и Китаем, которая усиливает уязвимости ЕС в экономической, технологической и геополитической сферах, требуя переосмысления европейской внешней политики для сохранения автономии и влияния в многополярном мире. Исследование отражает современные вызовы европейской интеграции в контексте растущего стратегического соперничества между США и Китаем, требующего от ЕС выработки собственной позиции. Практическая значимость заключается в разработанных автором рекомендациях по оптимизации политики «дерискинга» для институтов ЕС и национальных правительств, включая переход к модели «стратегической взаимозависимости», что может помочь в диверсификации партнерств, снижении зависимости от Китая и укреплении внутренней сплоченности Союза. Результаты исследования могут быть использованы при формировании внешнеполитических стратегий ЕС и его государств-членов в отношении азиатских партнеров. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной в процессе исследования методологии. Но из контекста можно понять, что в работе фактически применялся сравнительный анализ национальных подходов к китайской политике (на примере Германии, Франции, стран ЦВЕ, Италии), изучение эволюции официальных документов ЕС и отдельных государств, а также SWOT-анализ для оценки

сильных и слабых сторон европейско-китайских отношений. Использовался дискурс-анализ для анализа риторики ключевых фигур, таких как Урсула фон дер Ляйен и Эмманюэль Макрон (что позволило выявить сдвиги в нарративах от партнерства к соперничеству), а также сравнительный метод для оценки позиций стран-членов ЕС (Германия vs. Франция, страны ЦВЕ, Италия), что способствовало выделению паттернов амбивалентности и разногласий. Кроме того, автор использовал метод case study для детального анализа трансформации политики отдельных стран, опираясь на изучение первичных источников – официальных стратегий, заявлений политических лидеров и экспертных оценок. Вполне корректное применение описанных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, в работе выявлено, что среди ведущих государств-членов ЕС отсутствует единый подход к реализации политики «дерискинга», что создает структурные препятствия для формирования общеевропейской стратегии в отношении Китая. Показано, что стратегия «снижения рисков» не является универсальной, а в реальности трансформируется в зависимости от национальных интересов, что приводит к амбивалентности европейской политики. Установлено также, что Франция обладает большим потенциалом для лидерства в европейской политике снижения рисков по сравнению с Германией благодаря меньшей экономической зависимости от китайского рынка и более последовательной внешнеполитической линии. Наконец, по результатам исследования обоснована концепция «стратегической взаимозависимости» как практическая альтернатива «стратегической автономии», позволяющая ЕС избежать логики блокового противостояния и учесть интересы всех участников отношений. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования европейско-китайских отношений в контексте американо-китайского соперничества, формулируется исследовательская проблема, но отсутствует описание и аргументация теоретико-методологического выбора автора; - «Хеджирование рисков», где анализируются теоретические основы политики ЕС через призму теории средних держав и стратегий поведения государств в условиях неопределенности; - «Кто возглавит политику "дерискинга" – Германия или Франция?», где сравниваются подходы двух ведущих европейских держав к отношениям с Китаем, выявляются преимущества французской модели; - «Проблемы "Восточного фронта"», где исследуются позиции стран Центральной и Восточной Европы, демонстрируется их неоднородность и влияние на общеевропейскую политику; - «Кейс Италии», где показывается пример трансформации национальной политики от сближения к дистанцированию от Китая; - «SWOT-анализ отношений ЕС и Китая», где систематизируются факторы, определяющие перспективы европейско-китайских отношений; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, делаются выводы и формулируются рекомендации по развитию более сбалансированной европейской стратегии. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, встречаются перегруженные конструкции с множеством уточняющих причастных и деепричастных оборотов придаточных предложений и т.д., из-за чего теряется ясность; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «За период с 1999 по 2005 г. объем взаимной торговли увеличились втрое и превысили сумму в 60 млрд. евро», «В сентябре 2021 г. наконец-то была принята Стратегия ЕС по сотрудничеству в ИТР, ставшей основой, определяющей...», «Ряд политиков обрушились с критикой в адрес канцлера...», «Китай упоминается в документе 13 раз, содержательно в 4 аспектах...»; или отсутствие обособляющих вводный оборот запятых в предложении «Однако на наш взгляд Париж

успешнее всех проходит адаптацию к...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 41 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части работы. В числе безусловных достоинств рецензируемой статьи можно отметить глубокое знание автором эмпирического материала, подтверждаемое обширным использованием первичных источников – от официальных стратегических документов до мемуаров политических деятелей, что придает исследованию высокую степень достоверности; а также успешное сочетание теоретического анализа с практическими кейсами, что позволило не только выявить общие закономерности, но и показать их конкретные проявления в политике отдельных государств, создавая объемную картину современного состояния европейско-китайских отношений. Отдельно следует отметить приложение со SWOT-анализом.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, для исследователей европейской интеграции и международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для практикующих работников внешнеполитических ведомств стран ЕС, для аналитиков, специализирующихся на китайской внешней политике, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.